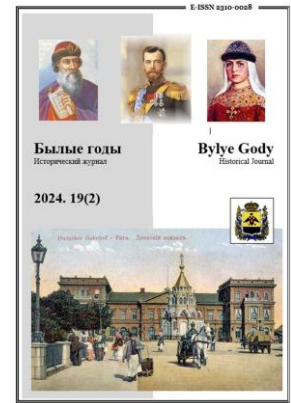

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 716-725
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.716

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century

Alexander G. Gryaznukhin ^{a,*}, Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Anna S. Zhulaeva ^a, Semen V. Kozhevnikov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The problem of relationship between the Russian intelligentsia and the people in the XIX century was addressed, and their dichotomous character was noted. The notion of "the people" was defined and its structural and social composition was determined. The relationship between the intelligentsia and the people was described as conflictual. Views of the representatives of the noble intelligentsia, belonging to different social classes, on the causes of its conflict with the people were analyzed based on primary sources. The feeling of guilt for their dependency existence was marked as a common factor of mental motivation for the intelligentsia to contribute to the destiny of the people. The intelligentsia's assessments of various qualities of the people's character were diverse and depended on its genesis and socio-political status. The matters of faith of the people, the nature of their education, and their attitude towards the peasant community remained the most controversial ones. Active part of the noble intelligentsia in the destiny of the people involved gratuitous distribution of land, relief of duties, and provision of various benefits, which could not resolve the general social conflict situation due to the local nature of this activity. Silver Age creative intellectuals had diametrically opposed vision of the people. Someone's belief in the devout religiosity of the people was not consistent with the conviction of others in the sober mind, saving from superstitious delusions. Views on the role of the community in the life of the peasantry ranged from complete idealization to the need for its destruction. The intellectuals recognized ignorance of the people as the cause of all troubles, but had no general idea of the methods of its enlightenment. The intelligentsia noted combined contradictory qualities in the people, and attributed existence of the negative temperamental attributes to the living conditions of the people, poverty and ignorance. Long-suffering and submissiveness, inherent in the people, left open their subconscious desire for freedom in the eyes of the intelligentsia, which had to be implemented in real life. Duality of mentality, mutual misunderstanding and rejection of the Russian people and the intelligentsia worsened the split of the society and contributed to accumulation of the mass limit of the revolutionary outbreak.

Keywords: dichotomy, Russia, intelligentsia, people, enlightenment, nobility, diversity, mentality.

1. Введение

Многомерность понятия «народ» обусловлена широким диапазоном включаемых в него различных социальных слоев. К представителям народа по праву можно отнести крестьянство, составлявшее девяносто процентов населения России XIX века, мещан, купцов, вышедших в массе своей из крестьянской среды, приходских священников, во многом разделявших образ жизни своих прихожан, «трущобных людей» Гиляровского, прототипов героев пьесы Горького «На дне». Все эти слои объединяет общее понятие «народ», представители которого имели свои особенности как в образе жизни, так и в специфическом восприятии окружающей действительности. Сам народ каких-либо печатных трудов о себе не создавал, поэтому о его мировоззрении можно судить, изучая фольклор, к которому, однако,

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), [tag-kras@mail.ru](mailto>tag-kras@mail.ru) (T.V. Gryaznukhina), annzhul@mail.ru (A.S. Zhulaeva)

интеллигенция XIX века особого интереса не проявляла. Соответственно, взаимоотношения интеллигенции с народом строились исключительно на основе ее восприятия и понимания этого народа. Пишущая творческая и научная интеллигенция, исходя из своего понимания, создавала образ народа, который укоренялся в сознании последующих поколений. Встает вопрос, насколько правдивым и объективным было это представление. В. Ключевский писал, что интеллигенция может дать повод сказать о ней: «Эти люди были слишком философы и эстеты, чтобы стать деловыми устроителями народного хозяйства; они так много занимались познанием сущности вещей, что для их абстрактной мысли исчезли конкретные различия между камнем и куском хлеба, и, когда у них просили последнего, они в философской рассеянности взяли за первый» (Ключевский, 1990: 49). Знаменитый историк, таким образом, отмечал дихотомический уровень взаимопонимания интеллигенции и народа. Характер взаимоотношений между внутрироссийскими социумами менялся в разные исторические эпохи, он во многом зависел от происхождения самой интеллигенции. Так, мировоззрение дворянской интеллигенции диктовало ей одну модель поведения, убеждения разночинцев-народников – другую, творческая интеллигенция Серебряного века имела свое представление о народе. Общим для представителей всей интеллигенции было ее горячее сочувствие народу, стремление помочь ему своим деятельным участием, облегчить по возможности его участь, обратить внимание общества на его нужды. Основным путем решения многих проблем народа интеллигенция считала просвещение, к которому власть относилась двояко: с одной стороны, ею понималась необходимость просвещения народа, с другой – она опасалась, что образование будет проводником революционных идей. Проблема восприятия народом сгенерированных интеллигенцией знаний и достижений культуры оставалась актуальной в течение всего XIX века.

2. Материалы и методы

Опубликованные и неопубликованные архивные материалы, воспоминания современников, публицистические и научные труды интеллигенции исследуемой эпохи положены в основу анализа источниковой базы работы. В исследовании использованы документы Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация).

Важным источником в выявлении характера взаимодействия интеллигенции с народом являются труды и воспоминания представителей дворянской интеллигенции (Сухотина-Толстая, 1980; Тургенев, 1985), разночинцев (Степняк, 1987), неопитов-интеллигентов, выходцев из народной среды (Горький, 1922; Гиляровский, 1985; Гиляровский, 1986). Проанализировать особенности менталитета русского народа и интеллигенции помогли вторичные исторические источники (Лосский, 1957; Орлов, 1980; Тишков, 2013). Провести сравнительный анализ взглядов российских и зарубежных авторов на проблему дихотомии внутрироссийской ментальности удалось с помощью использования работ иностранных путешественников по России в XIX в. (Кюстин, 1990; Бальзак, 2002; Кеннан, 1999).

Теоретико-методологический конструкт исследования базируется на фундаменте общенаучных и специально-исторических методов. Принцип историзма позволил рассмотреть взгляды дворянской и разночинной интеллигенции в конкретно-исторические периоды и выявить причины взаимного ментального непонимания с русским народом. Проблемно-хронологический метод дал возможность выявить наиболее важные проблемы в интеллигентском дискурсе по вопросам веры народа, характера его просвещения, отношения к крестьянской общине. Историко-генетический метод помог определить обусловленность формирования негативных черт характера русского народа условиями жизни, нехваткой материальных и духовных ценностей.

3. Обсуждение

Вопрос взаимоотношений с народом для русской интеллигенции XIX века был одним из приоритетных. Воспоминания, публицистика, научные и литературные труды, созданные интеллигенцией исследуемой эпохи, помогают выявить характер ее взаимодействий с народом и понимание ею особенностей его мировоззрения. В своей совокупности эти труды являются ценными источниками, которые использованы и проанализированы в данной статье. Воспоминания Т. Сухотиной-Толстой, дочери писателя Л. Н. Толстого, позволяют составить представление не только о ее личном отношении к крестьянам, но также и о взглядах ее великого отца, которые она полностью разделяла (Сухотина-Толстая, 1980). Статья А. Блока, опубликованная в журнале «Золотое руно», позволяет судить об отношении автора к М. Горькому как выходцу из социальных низов (Блок, 1909). Мнение самого Горького о крестьянстве нашло свое отражение в его труде «О русском крестьянстве» (Горький, 1922). Другой социальный срез народа, представленный купечеством, рабочими, городской беднотой, показан в рассказах и очерках Гиляровского (Гиляровский, 1985; Гиляровский, 1985, 1986). Характеристика мещан, городского населения дана в дневнике К. Чуковского (Чуковский, 1991). Позиция революционно настроенной интеллигенции, ее понимание нужд и проблем народа нашла отражение в сочинениях С. Степняка-Кравчинского (Степняк, 1987). Не оставалась в стороне от решения данного вопроса также и научная интеллигенция. Примеры взаимоотношений интеллигенции дворянского происхождения с крестьянством приводит в своих трудах историк В. Ключевский (Ключевский, 1990). Общую характеристику положения народа в Российской империи

дает С. Платонов (Платонов, 1993). Сборник «Вехи» объединил группу философов, которые опубликовали в нем ряд статей, посвященных русской интеллигенции, и авторы не могли обойти своим вниманием вопросы взаимоотношений её с народом (Вехи, 1990). Труд Н. Лосского посвящен чертам характера русского народа и анализу их удельного веса в его ментальности (Лосский, 1957). Анализ мировоззрения интеллигенции XIX столетия на примерах отечественной литературы проделан в совместном труде С. Никольского и В. Филимонова (Никольский, Филимонов, 2008). Об образе жизни и особенностях мировосприятия русской интеллигенции рубежа веков можно составить представление, ознакомившись с работой В. Орлова (Орлов, 1980). Национальное самосознание российского народа с использованием исторических фактов исследуется в труде В. Тишкова (Тишков, 2013). Монография профессора Ю. Лебедева, посвященная И. Тургеневу, позволяет проследить характер взаимоотношений дворянской интеллигенции с народом в период творчества писателя (Лебедев, 1990). О личном восприятии писателем крестьянского жизненного уклада можно судить по его «Запискам охотника» (Тургенев, 1985). В качестве исторических источников для более полного освещения темы, исследуемой в статье, использованы свидетельства иностранных путешественников, посетивших Россию в XIX веке, Кюстина, Бальзака, Кеннана (Кюстин, 1990; Бальзак, 2002; Кеннан, 1999).

Об интересе к исследуемой теме свидетельствуют публикации в научных журналах. Попытки сближения интеллигенции и народа рассматриваются в статьях С. Никольского (Никольский, 2018; Никольский, 20182019). Причины конфликта интеллигенции с народом анализируются в статье Ю. Узлова (Узлов, 2012). Историографический обзор генезиса русской интеллигенции представлен в статье И. Купцовой (Купцова, 2021). Нравственному самосознанию интеллигенции посвящена статья О. Жуковой (Жукова, 2023). В аспекте традиций народознания рассмотрены социальные очерки Гиляровского в статье О. Рощиной (Рощина, 2012). Ряд авторов данного исследования подвергли научному анализу вопросы формирования российской и сибирской интеллигенции, ее взаимоотношений с народом и влияния на менталитет российского социума (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhina et al., 2017; Gryaznukhin et al., 2020; Gryaznukhina et al., 2021; Gryaznukhin et al., 2021).

4. Результаты

Образ русского народа в стереотипном его восприятии российской общественностью создавался, как правило, русской интеллигенцией дворянского происхождения, которая, владея именьями, самым непосредственным или опосредованным образом постоянно вступала в различные формы взаимоотношений со своими крестьянами. Определяя характер этих взаимоотношений, С. Платонов отмечал, «что еще со времен императрицы Екатерины II владение душами составляло тяжелую моральную проблему для чутких людей из русской интеллигенции» (Платонов, 1993: 692). Именно чувством вины перед народом и сочувствием ему было продиктовано стремление интеллигенции разобраться в его проблемах и бедах и хоть как-то ему помочь. Философ С. Булгаков отмечал, что русской интеллигенции присуще «чувство виновности перед народом, это своего рода «социальное покаяние», конечно, не перед Богом, но перед народом» (Булгаков, 1990: 30).

На фоне обостренного внимания общественности к судьбе российского крестьянства «Записки охотника» И. Тургенева, опубликованные отдельным изданием в 1852 г., явились для читающей публики настоящим откровением. Образы русских мужиков, мещан предстали перед читателями, на страницах произведения воскресли народные предания и поверья. «Записки» имели вполне определенный резонанс в обществе. Проникнутые сочувствием к крестьянству, они проводили мысль о противоестественности крепостного уклада. Сам Тургенев, выросший в богатом имении матери, постоянно общаясь с дворовыми и крестьянами, был уверен, что знает характер русского мужика. После смерти матери в 1850 г. он дал свободу дворовым, перевел крестьян с барщины на оброк, освободив их от платы за усадебную землю (Лебедев, 1990: 234). Вопрос о предстоящих реформах сильно волновал писателя, он искренне переживал, как отмена крепостного права скажется на судьбе крестьянства в целом. Во что реально выливались заботы о крестьянах либерального барина можно судить по рассказу А. Фета, который вместе с Тургеневым ездил в одно из его имений Топки. В ответ на жалобу крестьян о недостатке у них земли Тургенев раздал им всю землю. Но дело в таком положении оставалось до тех пор, пока в Топки не приехал управляющий имением дядя писателя Н. Тургенев, который все вернул на свои места. Фет рассказывал, как дядя смеялся над племянником, когда тот просил его продать Топки: «Неужели, господа писатели, все вы такие бестолковые?». Ведь без земли, якобы розданной крестьянам, имение продать было нельзя (Лебедев, 1990: 360). Мужикам поведение барина было непонятно, и смотрели они на его действия, как на очередную причуду во время его кратких приездов. Видимо, подобные случаи давали основания Чернышевскому и Добролюбову обвинять дворянскую интеллигенцию в лице Аксаковых, Киреевского, Хомякова и многих других в незнании народной жизни и психологии мужика.

Лучшие представители интеллигенции пытались принимать деятельное участие в улучшении жизни народа. Воспитанная на идеях отца, который был убежден в необходимости перестать грабить народ, Татьяна Толстая считала, что «иметь собственность – это дурно» (Сухотина-Толстая, 1980: 195).

Свой долг она видела в том, чтобы помогать окрестным крестьянам. Уныние и отчаяние из-за невозможности помочь всем охватило ее, когда она обходила деревенские избы во время голода 1891 г. Усилиями семьи Толстых было открыто 17 столовых для голодающих. Сама Татьяна Толстая решила полученную в наследство пахотную и покосную землю отдать крестьянским общинам. Доходы крестьяне брали себе, обязуясь уплачивать в общественную кассу по шесть рублей с десятины, унавоживать землю, сторожить лес и платить повинности. Мужики приняли условия и выполняли их, опасаясь, что однажды с них потребуют деньги за все годы аренды. Но как только они убедились, что над ними нет контроля, то сразу перестали платить арендную плату и даже стали спекулировать землей, сдавая ее в аренду соседям. Это вызвало досаду у Толстой, и она решила продать крестьянам землю через Крестьянский банк (Сухотина-Толстая, 1980: 208, 350). И хотя летом Толстые всей семьей работали вместе с крестьянами на сенокосе, и крестьяне с барского луга получали половину сена, они продолжали не доверять господам и, не желая быть обманутыми, обманывали сами. В сознании русского народа укоренилась глубокая вера в то, что земля Божья и не может быть предметом частной собственности. Это убеждение, видимо, снимало какие-либо нравственные ограничения с крестьян.

На недоверие, существовавшее между народом и помещиками, указывает множество фактов. Ключевский на страницах своего труда приводит пример, как прогрессивно настроенный помещик решил «поставить крестьян в независимое положение от помещиков» (Ключевский, 1990: 43). Он предложил отдать бесплатно крестьянам их дворы со скотом и всем имуществом, а половину остальной земли отдавать им внаем. Крестьяне отказались от этого предложения. Бескорыстие барина они оценить не смогли. Недоверие и подозрительность – так можно охарактеризовать отношения, сложившиеся между мужиками и помещиками, и они оставались таковыми, несмотря на попытки дворянской интеллигенции изменить их.

И. Тургенев постепенно утрачивал надежду на единство интеллигенции и народа, он все больше сомневался в его нравственных качествах. С горечью писатель замечал, что мужики воруют у господ всё, что возможно. «Честности, простоты, свободы и силы нет в народе...» – констатировал он (Лебедев, 1990: 431). Крестьяне не доверяли барину-писателю, несмотря на то что он открыл для них в Спасском школу и богадельню, раздавал землю и увеличивал наделы. Напротив, они сознательно вредили ему, испытывая чувство злобы и ненависти. Тургенев искренне не понимал такого отношения к себе и недовольства мужиков реформой. Глубинная обида народа за социальную несправедливость крепостнического периода не могла быть нивелирована частными уступками и послаблениями и требовала радикальных преобразований.

Великие реформы, дав личную свободу крестьянству, в экономическом плане мало чем улучшали его жизнь. Стремление хоть как-то облегчить участь народа привело либеральную интеллигенцию к мысли о необходимости его просвещения. По ее мнению, только когда народ поймет истинные причины своего нищенского положения, осознает, кто его настоящий враг, он сможет освободиться от векового гнета властей. Убеждение это способствовало развитию движения «хождения в народ». Оставив институт, переодевшись пиджачиком, «в народ» пошел С. Степняк-Кравчинский, будущий писатель, профессиональный революционер. Как и его соратники, он верил в революционную силу народа. Эта вера была основана на принципах низовой демократии, существовавшей в общине и заключавшейся в возможности общинников выбирать старосту, распределять повинности, обязанности, земли, пользоваться свободой слова. По мнению революционно настроенной интеллигенции, это «гораздо более соответствует политическим устремлениям русского народа, чем самодержавие» (Степняк, 1987: 29). Обращаясь к вечевой традиции, Кравчинский утверждал, что демократия для русского народа традиционна, так как «сходство между миром и вече не подлежит сомнению» (Степняк, 1987: 37), а самоуправление общин свидетельствует об их политической и экономической жизнеспособности. Разночинцы обучались крестьянским профессиям, оказывали медицинскую помощь крестьянам, но на селе к ним относились настороженно. Разночинная интеллигенция, вышедшая из народа, казалось бы, должна была понимать его проблемы и нужды, но на практике глухая стена непонимания между ней и народом привела к трагической развязке всего движения «хождения в народ». Разночинная интеллигенция, как и дворянская, в народной среде своей не стала.

Художественная интеллигенция эпохи Серебряного века также была озабочена вопросом взаимоотношений с народом, который в ее сознании ассоциировался с понятием родины и находился в центре ее творчества (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015: 976-977). Однако на практике она имела о народе весьма смутное представление. Впрочем, многие ее представители понимали всю трагичность создавшегося положения, осознавая, что две культуры фактически не имели точек соприкосновения. Е. Кузьмина-Караваева, которая была членом кружка В. Иванова на «Башне» и увлекалась декадансом, писала: «Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове... Мы были последним актом трагедии – разрыва народа и интеллигенции» (Орлов, 1980: 247). Проблемы взаимоотношения интеллигенции и народа волновали М. Горького. Он писал, что «тревожное ощущение духовной оторванности интеллигенции – как разумного начала – от народной стихии всю жизнь более или менее настойчиво преследовало меня... Постепенно это ощущение перерождалось в предчувствие катастрофы» (Горький, 1965: 81).

Представители дворянской интеллигенции связующим звеном между народом и интеллигенцией считали представителей народа, которые, получив образование и обладая талантом, пополняли ее ряды. А. Блок в качестве примера приводил М. Горького. Однако при этом он указывал, что «Горький по духу – не интеллигент. Мы любим одно, но разной любовью» (Блок, 1909: 82), и поэтому такие люди были непонятны для интеллигенции. Действительно, представители народа зачастую пополняли ряды интеллигенции. «Страстное влечение к искусству» давало силы детям крестьян и мещан поступить в Училище живописи и, влача полуголодное существование, закончить его. Многие из них были действительно талантливы» (Гиляровский, 1986: 125) – отмечал В. Гиляровский, который сам происходил из народа. Он был бурлаком, военным, рабочим на белильном заводе, истопником, пожарным, табунщиком, наездником в цирке, трудился на рыбных промыслах, выступал на сцене. Пройдя почти всю Россию, жизнь народа он знал не понаслышке. Занявшись литературой, Гиляровский стал репортером и как неопит интеллигенции описывал быт социально нижестоящих слоев со знанием дела.

Свое понимание народа пытался выразить М. Нестеров, создавая в 1902 г. картину «Святая Русь». Русь у него олицетворяли странники, дети, убогие, крестьяне. Первоначально по замыслу автора на картине должны были быть изображены Горький и Шаляпин, как выходцы из народа. Но впоследствии он отказался от этого замысла, так как понял, что приобщение к другой культуре привело к утрате их органической связи с народом. «Жизнь всей массы народа и жизнь его высших классов лилась двумя близкими, но отдельными потоками», – констатировал С. Степняк-Кравчинский (Степняк, 1987: 28). Народ и интеллигенция представляли собой разные культуры с разными ценностными ориентирами. Интеллигенцию привлекал мир, где «хорошие картины, цивилизованные и культурные люди» и музыка. Весь этот «мир заманчив, и, если бы навсегда отказаться от него, было бы тяжело и скучно, безнадежно скучно жить» (Сухотина-Толстая, 1980: 200). Непонимание между народом и интеллигенцией С. Кравчинский объяснял так: «Наша интеллигенция и либералы – большей частью те же бывшие дворяне и мелкопоместные помещики, которым народ не простил зла, причиненного их отцами и дедами» (Степняк, 1987: 67).

Конфликтная ситуация в отношениях между интеллигенцией и народом усугублялась тем, что в рядах самой интеллигенции не было единого понимания особенностей мировоззрения и характера народа, его отношения к вере, земле, роли общины в его жизни. Самые противоречивые высказывания о чертах характера народа встречаются у представителей интеллигенции. Славянофилы, как правило, идеализировали народ. К. Аксаков, например, преувеличивал его нравственные качества. М. Горький утверждал, что русская литература XIX века создала идеалистический образ народа. Сам он давал народу не совсем лестную характеристику: «В сущности своей всякий народ – стихия анархическая; народ хочет как можно больше есть и возможно меньше работать, хочет иметь все права и не иметь никаких обязанностей» (Горький, 1922: 5).

В сознании российской общественности утвердилось мнение о глубокой религиозности народа. Однако, на наш взгляд, этот вопрос не столь однозначен. Философ Н. Лосский считал «наиболее глубокой чертой характера русского народа его религиозность и связанное с ней искание абсолютного добра» (Лосский, 1957: 9). Поиски идеала и целей существования мира, по мнению ученого, заключались в опыте странников, паломников, православного монашества. М. Горький, напротив, считал «убеждение в глубокой религиозности крестьянства» ошибочным (Горький, 1922: 29). Мотивировал он это враждебным отношением крестьян к священникам, их равнодушием к разрушению храмов и осквернению мощей в первые советские годы. Российский историк В. Тишков, напротив, считает, что «в России исторически религиозность населения была высокой. Только в Москве до революции 1917 г. было «сорок сороков» церквей, т. е. 40 раз по 40». «Религия играла важную роль в жизни народа» (Тишков, 2013: 384). Различное отношение к религии народа и интеллигенции, по мнению С. Булгакова, проложило между ними глубокую пропасть. Идеалом народа, несмотря на его невежество и темноту, оставался Христос и его учение. Интеллигенция, заменяя веру знанием, разрушает «народную религию, разрушает и народную душу» (Булгаков, 1990: 63). Философ приводит мнение Достоевского, который полагал, что живущий в постоянном грехе народ «никогда не примет и не захочет принять своего греха за правду», но в критической ситуации общее, народное дело всегда решает по-христиански (Булгаков, 1990: 62). Здесь же Булгаков цитирует письмо Белинского к Гоголю: «Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко-атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности... у него слишком много для этого здравого смысла» (Булгаков, 1990: 62).

Л. Толстой, заботясь о просвещении народа, вместе с И. Сытиным занялся изданием для народа дешевой литературы, организовав в 1884 г. издательство «Посредник». Но насколько действенным был такой способ просвещения народа в глазах философов-веховцев? М. Гершензон был убежден, что «масса интеллигенции... с тупой косностью своего радикализма и фанатической нетерпимостью» «учреждала для него (народа) библиотеки и читальни, издавала для него дешевые журналы, – и все без толку, потому что она не заботилась о том, чтобы приноровить весь этот материал к его уже готовым понятиям» (Гершензон, 1990: 84-85). Непонимание народной души привело к тому, что «народ не чувствует в нас людей, не понимает и ненавидит нас», – заключает философ (Гершензон,

1990: 86). Горький отмечал, что глухим к учению народ делает ничтожность результатов крестьянского труда, которая углубляет у него инстинкт собственности (Горький, 1922: 10).

Неоднозначно интеллигенцией оценивалось такое свойство характера русского народа, как доброта. Н. Лосский доброту русского народа считал выдающейся и относил к его «первичным основным свойствам» (Лосский, 1957: 68). По его мнению, доброта проявлялась в отсутствии злопамятности, в жалостливости, основой чего была религиозность народа. Философ не мог не признавать присутствие жестокости в жизни народа, но использовалась она «как средство устрашения преступников», «чтобы другим неповадно было» (Лосский, 1957: 76). Лосский как бы оправдывает жестокость, вызванную сложившимися условиями жизни народа, объясняя ее нищетой, обидами, которые ведут к озлоблению. Более суровую оценку народной жестокости давал Горький, который сам много пострадал от ее проявлений в детстве. Он считал, что русскому народу «свойственно чувство особенной жестокости, хладнокровной» (Горький, 1922: 17), в проявлении которой он доходит до крайности, которая выражалась, в частности, в характере еврейских погромов.

Городская беднота, обыватели, мещане, представители преступного мира, скупщики краденного, содержатели притонов, мелкие чиновники и торговцы являлись объектами внимания В. Гиляровского. Мир, наполненный насилием, убийствами, развратом, предстает перед читателями его репортажей. Цинизм и жестокость, воровство и обман – таким рисует он образ жизни людей, однажды попавших в трущобы и у которых не было дороги назад, поскольку они навсегда отвергнуты социумом. И при всем этом трущобный народ был способен на милосердие и сострадание. У москвичей был обычай перед большими праздниками посылать в тюрьмы подавание «несчастеньким». Городская беднота прорывалась сквозь оцепление на пути следования партии заключенных и «совала в руки арестантам свой трудовой кусок» (Гиляровский, 1986: 187-189). За заставой, на Владимирке, партию ждали крестьяне из окрестных деревень, которые также раздавали арестантам подавание.

Способность к состраданию проявлялась в благотворительной деятельности народа. Особенно активными жертвователями были купцы и старообрядцы (Gryaznukhin et al., 2020: 1135-1136). Заниматься благотворительностью было почетно, и поэтому число благотворительных обществ постоянно росло. Так, в Енисейской губернии в 1913 г. было 27 благотворительных обществ, а в 1915 г. их было уже 34 (ГАИО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 116. Л. 21). Купцы Щеголевы раздавали муку погорельцам в Енисейске во время пожара 1869 года. Они также содержали богадельню, женскую гимназию, ремесленное училище, открыли Сиропитательный дом (ГАИО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 116. Л. 40). Противоречивость как свойство русского характера проявлялась в поведении купцов. Делая большие пожертвования в пользу бедных, они еще более крупные суммы проигрывали за карточным столом, устраивая при этом пьяные кутежи (ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 231. Л. 106). «Высокое чувство человечности, составляющее столь замечательную особенность наших деревенских нравов – взаимная помощь в полевых работах, содействие беднякам, больным, сиротам», – отмечал Кравчинский, объясняя эти качества народа общинным самоуправлением (Степняк, 1987: 26). Однако великодушные русского народа носило сегментарный характер: если зла он обычно не помнил, то и добро, сделанное для него, часто забывал. Княгиня М. Тенишева, желая повысить культурный уровень народа, сохранить народное искусство, организовала в Талашкино художественно-ремесленные мастерские. А в 1905 г. эти же мужики грозили княгине поджогом, отказывались работать, рубили лес. В 1917 г. мужики сожгли Шахматово, родовое имение А. Блока. Отвлеченная лирика поэта была вне доступа их сознания. Вопрос, заданный им, ответа не требовал: «И, бросаясь навстречу народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройки, на верную гибель?» (Блок, 1909: 84).

Не были чужды русскому народу ум и предприимчивость. М. Горький утверждал, что в деревне он «встретил сурового реалиста и хитреца, который, когда это выгодно ему, прекрасно умеет показать себя простаком. По природе своей он не глуп и сам хорошо знает это» (Горький, 1922: 23). Гоголь во втором томе «Мертвых душ» рассказывал о помещике, который стал замечать, что на господской земле все родится как-то хуже, чем у мужиков. «Словом, стал замечать барин, что мужик просто плутует, несмотря на все льготы...» (Никольский, 2008, 181). Если хитрость рассматривать как проявление ума, то деревенские мужики им явно обладали. Русский народ выдвигал из своей среды самородков типа Ломоносова, много было просто умных и смекалистых людей среди его представителей. Но имела и огромная масса примитивно устроенных, ограниченных от природы, не склонных к какому-либо развитию людей. Необходимость борьбы за выживание и существование в условиях ограниченных ресурсов и сверхэксплуатации приводила к укреплению традиционности уклада, косности быта и невосприимчивости к новым идеям и просвещению.

Причину многих проблем народа интеллигенция видела в его невежестве. Любя царя, народ ненавидел чиновников, а в своем невежестве связи между ними не видел. Повиновение царю было традиционным. Народу была свойственна бездумная вера в обычаи, следование создавшемуся стереотипу, который являлся гарантом жизнеспособности общины, вне которой крестьянин не мыслил своего существования. О консерватизме крестьян писал И. Тургенев, описывая в «Записках охотника» жизнь Хоря, образ жизни которого сельчане не одобряли, и он вынужден был поселиться отдельно. М. Горький отмечал, что тех, кто решался как-то изменить свою жизнь, чтобы улучшить ее, община встречала недоверием, враждой и выживала из своей среды (Горький, 1922: 7).

Как отличительную особенность принято выделять терпение русского народа и его покорность силе. Власть народом воспринималась как стихия, которой бессмысленно сопротивляться, поэтому покорность вошла в привычку. А. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» писал, что русский народ «очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничего не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость» (Никольский, 2008: 43). Говоря о пассивности народа, который надеется на правительство, обязанное его прокормить, Т. Толстая восклицала: «Жалкий, жалкий народ. Меня пугает его покорность, но и ей, я думаю, придет конец» (Сухотина-Толстая, 1980: 209). Революционно настроенная интеллигенция также верила, что долготерпению народа придет конец, так как в душе его живет стремление к свободе, проявляемое в традициях общинной демократии (Степняк, 1987: 39).

Иностранцы, которым приходилось путешествовать по России XIX века, также отмечали долготерпение и покорность русского народа в качестве основных его характеристик. Маркиз де Кюстин в своей знаменитой книге отмечал, что народ влюблен в свое рабство, не оказывает никакого сопротивления насилию, совершаемому над ним. В результате своих наблюдений он пришел к заключению, что терпение народа не может быть вечным, «не пройдет и 50 лет», как «в России вспыхнет революция, гораздо более страшная, чем та, последствия коей Западная Европа чувствует еще до сих пор». И «мечь народа будет тем более ужасна, что он невежествен и исключительно долготерпелив» (Кюстин, 1990: 72, 93, 253). О. де Бальзак, который неоднократно бывал в России, также выделял эту черту русского народа: «Покорность, покорность, несмотря ни на что, покорность с опаской для жизни, покорность даже тогда, когда покорность бессмысленна и противоестественна» (Бальзак, 2002: 16). Дж. Кеннан, посетивший Сибирь в 1885–1886 гг., отмечал, что образ жизни сибирской деревни «говорит об отсутствии инициативы и предприимчивости у ее жителей». Всеобщее невежество народа поражало его (Кеннан, 1999: 121). Характеристики, данные иностранцами русскому народу, не всегда и не во всем справедливые, в основных своих моментах совпадали с мнением русской интеллигенции о своем народе, что может свидетельствовать о ее стремлении быть объективной в своих оценках. Интеллигенции было сложно понять противоречивую, двойственную душу русского народа. По мнению Н. Бердяева, в ней самым непостижимым образом сочетались антагонистические свойства: вольность и деспотизм; доброта и насилие; коллективизм и индивидуализм; «национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» (Бердяев, 2016: 11).

5. Заключение

Важность вопроса о характере взаимоотношений интеллигенции с народом определялась ее ролью в качестве выразительницы национального самосознания. Это был главный вопрос, терзавший русскую интеллигенцию XIX века. Попытка его решения нашла свое отражение в спорах славянофилов и западников, трудах историков и философов, творчестве поэтов и писателей. Нравственные качества самой интеллигенции, выразившиеся в чувстве вины, которое она испытывала перед народом за свое иждивенческое положение, заставляли ее принимать в его судьбе деятельное участие, выражавшееся в предоставлении крестьянам различных льгот, раздаче земли, оказании материальной помощи, просвещении. Но все эти меры среди народа не находили ожидаемого отклика. Суть конфликта между интеллигенцией и народом заключалась в отсутствии взаимопонимания, которое было невозможно в силу дихотомии мировоззрений. Различными были взгляды народа и интеллигенции на землю. В сознании крестьянина земля была Божьей, принадлежала миру и выдавалась во временное пользование, институт частной собственности был ему непонятен. Чужды народу были и атеистические устремления интеллигенции. Многие проблемы народа интеллигенция видела в его невежестве, что приводило к усилению просветительской деятельности. Но для крестьянина важны были знания, имевшие практическое значение, а политическая грамота, предлагаемая ему разночинской интеллигенцией, была чужда и непонятна. По мнению крестьян, дети должны были помогать по хозяйству, а не тратить время на постижение грамотности, от которой виделось мало проку. Смекалка и практический ум в глазах интеллигенции были присущи народу столь же, как и вопиющая его интеллектуальная неразвитость.

Российская интеллигенция не была единой в оценивании различных качеств характера народа. Точка зрения на этот вопрос зависела от происхождения самой интеллигенции. Неофиты интеллигенции, получившие образование, выходцы из народа, имели более достоверные представления о его характерных чертах, хотя со временем, при утрате непосредственной связи с народом, и они становились для него чужими. Незапрещенным оставался вопрос о религиозности русского народа. Различные представители интеллигенции давали на него диаметрально противоположные ответы, либо приписывая народу глубокую веру, либо отрицая ее совсем. Множество фактов свидетельствуют о наличии в характере народа таких качеств, как доброта и милосердие. Они, в частности, проявлялись в благотворительной деятельности, заниматься которой было почетно. Но жестокость, насилие, цинизм также были постоянными спутниками народной жизни. Эти явления не оспаривались интеллигенцией, однако им давались разные оценки: более жесткая, как у М. Горького, беспристрастная, как у В. Гиляровского, либо снисходительная, как у Н. Лосского.

Но, в любом случае, объяснялись эти явления тяжелыми условиями жизни, нищетой, невежеством. Долготерпение и покорность народа интеллигенция связывала с имманентным консерватизмом, его верностью традициям, которые способствовали сохранению общинного землепользования. Большинство представителей интеллигенции сходились во мнении, что внутреннее стремление к свободе, живущее в народной душе, неизбежно должно прорваться во внешний контур и реализоваться в формировании либерально однородного общественного устройства. Неоднозначное понимание русской интеллигенцией XIX века народного мировоззрения во многом предопределило ход исторического развития России. Дихотомия менталитета народа и интеллигенции во многом способствовала формированию революционного разлома в России начала XX века.

Литература

- Бальзак, 2002 – Бальзак О. Письмо о Киеве // *Пинакотекa*. 2002. № 13/14. С 1-53.
 Бердяев, 2016 – Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М., 2016. 512 с.
 Блок, 1909 – Блок А. А. Россия и интеллигенция // *Золотое руно*. 1909. № 1. 78-85.
 Булгаков, 1990 – Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество / *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции*. М., 1909. С. 33-69.
 Вехи, 1990 – Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. 211 с.
 ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
 Гершензон, 1990 – Гершензон М.О. Творческое самосознание / *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции*. М., 1909. С. 70-96.
 Гиляровский, 1985 – Гиляровский В.А. Трущобные люди. Рассказы и очерки. М., 1985. 320 с.
 Гиляровский, 1986 – Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Иркутск, 1986. 352 с.
 Горький, 1922 – Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922. 45 с.
 Горький, 1965 – Горький М. Собр. соч. Т. 15. М., 1965.
 Жукова, 2023 – Жукова О.А. Русская интеллигенция перед лицом философской истины: исторический и моральный выбор // *История философии*. 2023. Т.28. № 1. С. 29-40.
 Кеннан, 1999 – Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). Т.1. СПб., 1999. 391 с.
 Ключевский, 1990 – Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. VIII. Статьи. М., 1990. 445 с.
 Купцова, 2021 – Купцова И. В. Проблема генезиса интеллигенции в современной отечественной историографии / *Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: матлы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 23-24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 312 с.*
 Кюстин, 1990 – Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. 352 с.
 Лебедев, 1990 – Лебедев Ю. В. Тургенев. М., 1990. 608 с.
 Лосский, 1957 – Лосский Н. О. Характер русского народа. Франкфурт, 1957. 152 с.
 Никольский, 2018 – Никольский С. А. Интеллигенция, народ и власть // *Политическая концептология*. 2018. № 3. С. 113-133.
 Никольский, 2019 – Никольский С. А. Интеллигенция и народ: попытки сближения и просвещения // *Ярославский педагогический вестник*. 2019. № 5 (110). С. 141-146.
 Никольский, Филимонов, 2008 – Никольский С. А., Филимонов В. П. Русское мировоззрение. Смысл и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия. М., 2008. 416 с.
 Орлов, 1980 – Орлов В. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980. 725 с.
 Платонов, 1993 – Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. 736 с.
 Рощина, 2012 – Рощина О.В. Социальная очеркистика В.А. Гиляровского и В.М. Дорошевича в аспекте традиций народознания // *Rhema. Рема*. 2012. № 3. С. 49-54.
 Степняк, 1987 – Степняк-Кравчинский С. М. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Россия под властью царей. Подпольная Россия. М., 1987. 575 с.
 Сухотина-Толстая, 1980 – Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1980. 527 с.
 Тишков, 2013 – Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. 649 с.
 Тургенев, 1985 – Тургенев И.С. Записки охотника. М., 1985. 254 с.
 Узлов, 2012 – Узлов Ю.А. Российская интеллигенция и национальная идея // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 6. С. 31-34.
 Чуковский, 1991 – Чуковский К. И. Дневник (1901 – 1929). М., 1991. 544 с.
 Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.
 Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A. The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 811-820.
 Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Maljutina L.F. et al. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.

Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Belgorodskaya L.V. et al. Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1132-1141.

Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Akhtamov E.A. Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1299-1307.

References

- Bal'zak, 2002 – Bal'zak, O. (2002). Pis'mo o Kieve [A letter of Kiev]. *Pinakoteka*. 13/14: 1-53. [in Russian]
- Berdyayev, 2016 – Berdyayev, N.A. (2016). Russkaya ideya. Mirosozertsanie Dostoevskogo [Russian idea. Dostoevsky's Worldview]. Moscow. 512 p. [in Russian]
- Blok, 1909 – Blok, A.A. (1909). Rossiya i intelligentsiya [Russia and the Intelligentsia]. *Zolotoe runo*. 1: 78-85. [in Russian]
- Bulgakov, 1990 – Bulgakov, S.N. (1909). Geroizm i podvizhnichestvo [Heroism and asceticism]. *Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii*. Moscow, pp. 33-69. [in Russian]
- Chukovskii, 1991 – Chukovskii, K. I. (1991). Dnevnik (1901 – 1929) [Diary (1901-1929)]. Moscow. 544 p.
- GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Territory].
- Gershenson, 1990 – Gershenson, M.O. (1909). Tvorcheskoe samosoznanie [Creative self-awareness]. *Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii*. Moscow, pp. 70-96. [in Russian]
- Gilyarovskii, 1985 – Gilyarovskii, V.A. (1985). Trushchobnye lyudi. Rasskazy i ocherki [Slum people. Short stories and essays]. Moscow. 320 p. [in Russian]
- Gilyarovskii, 1986 – Gilyarovskii, V.A. (1986). Moskva i moskvichi [Moscow and Muscovites]. Irkutsk. 352 p. [in Russian]
- Gor'kii, 1922 – Gor'kii, M. (1922). O russkom krest'yanstve [About the Russian peasantry]. Berlin. 45 p. [in Russian]
- Gor'kii, 1965 – Gor'kii, M. (1965). Sobr. soch. [Collected works]. T. 15. Moscow. [in Russian]
- Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V. et al. (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century. *Bylye Gody*. 57(3): 1132-1141.
- Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G., Akhtamov, E.A. (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Gaydin, S.T., Reut G.A. (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes. *Bylye Gody*. 45(3): 811-820.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Maljutina L.F. et al. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.
- Kennan, 1999 – Kennan, Dzh. (1999). Sibir' i ssylka. Putevye zametki (1885-1886 gg.) [Siberia and exile. Travel notes. (1885-1886)]. T.1. Saint-Petersburg. 391 p. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1990 – Klyuchevskii, V.O. (1990). Sochineniya. V 9 t. [Essays in 9 volumes]. T. VIII. Moscow. 445 p. [in Russian]
- Kuptsova, 2021 – Kuptsova, I.V. (2021). Problema genezisa intelligentsii v sovremennoi otechestvennoi istoriografii. *Intelligentsiya i intellektualy6 genezis, formirovanie, razvitie, deyatel'nost'*: mat-ly XXXI Mezhdunar. nauch.-teoret. konf. Ivanovo, 23-24 sentyabrya 2021 g. [The problem of the genesis of the Intelligentsia in modern Russian Historiography. Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: materials of the XXXI International Scientific Theory Conference. September 23-24. Ivanovo: Ivanovo state University]. Ivanovo. 312 p. [in Russian]
- Kyustin, 1990 – Kyustin, A. (1990). Nikolaevskaya Rossiya [Russia of Nicholas]. Moscow. 352 p. [in Russian]
- Lebedev, 1990 – Lebedev, Yu.V. (1990). Turgenev [Turgenev]. Moscow. 608 p. [in Russian]
- Losskii, 1957 – Losskii, N.O. (1957). Kharakter russkogo naroda [the character of the Russian people]. Frankfurt. 152 p. [in Russian]
- Nikol'skii, 2018 – Nikol'skii, S.A. (2018). Intelligentsiya, narod i vlast' [The intelligentsia, the people and the government]. *Politicheskaya kontseptologiya*. 3: 113-133. [in Russian]
- Nikol'skii, 2019 – Nikol'skii, S.A. (2019). Intelligentsiya i narod: popytki sblizheniya i prosveshcheniya [Intelligentsia and the people: attempts at rapprochement and enlightenment]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 5(110): 141-146. [in Russian]
- Nikol'skii, Filimonov, 2008 – Nikol'skii, S.A., Filimonov, V.P. (2008). Russkoe mirovozzrenie. Smysl i tsennosti rossiiskoi zhizni v otechestvennoi literature i filosofii XVIII – serediny XIX stoletiya [The Russian worldview. The meaning and values of Russian life in Russian literature and philosophy of the XVIII – mid-XIX century]. Moscow. 416 p. [in Russian]

- Orlov, 1980 – Orlov, V. (1980). Gamayun. Zhizn' Aleksandra Bloka [Gamayun. The life of Alexander Blok]. Leningrad. 725 p. [in Russian]
- Platonov, 1993 – Platonov, S.F. (1993). Lektsii po russkoi istorii [Lectures on Russian history]. Moscow. 736 p. [in Russian]
- Roshchina, 2012 – Roshchina, O.V. (2012). Sotsial'naya ocherkistika V.A. Gilyarovskogo i V.M. Doroshevicha v aspekte traditsii narodoznaniya [The social essays of V.A. Gilyarovskiy and V.M. Doroshevich in the aspect of the traditions of folk studies]. *Rhema. Rema*. 3: 49-54. [in Russian]
- Stepnyak, 1987 – Stepnyak-Kravchinskii, S.M. (1987). Sochineniya. V 2 t. T. 1. Rossiya pod vlast'yu tsarei. Podpol'naya Rossiya [Essays in 2 vols. 1. Russia under the rule of the tsars. Underground Russia]. Moscow. 575 p. [in Russian]
- Sukhotina-Tolstaya, 1980 – Sukhotina-Tolstaya, T.L. (1980). Vospominaniya [Memories]. Moscow. 527 p. [in Russian]
- Tishkov, 2013 – Tishkov, V.A. (2013). Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya [The Russian People: the history and meaning of National Identity]. Moscow. 649 p. [in Russian]
- Turgenev, 1985 – Turgenev, I.S. (1985). Zapiski okhotnika [Hunter's Notes]. Moscow. 254 p. [in Russian]
- Uzlov, 2012 – Uzlov, Yu.A. (2012). Rossiiskaya intelligentsiya i natsional'naya ideya [The Russian intelligentsia and the national idea]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 6: 31-34. [in Russian]
- Vekhi, 1990 – Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii (1909). [Milestones. Collection of articles about the Russian intelligentsia]. Moscow. 211 p. [in Russian]
- Zhukova, 2023 – Zhukova, O.A. (2023). Russkaya intelligentsiya pered litsom filosofskoi istiny: istoricheski i moral'nyi vybor [The Russian Intelligentsia in the Face of Philosophical Truth: Historical and Moral Choice]. *Istoriya filosofii*. 28(1): 29-40. [in Russian]

Дихотомия ментальности русского народа и интеллигенции XIX века

Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a,
 Анна Сергеевна Жулаева ^a, Семен Валерьевич Кожевников ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрена проблема взаимоотношений русской интеллигенции и народа в XIX веке, отмечен их дихотомический характер. Дана дефиниция понятия «народ» и его структурно-социальный состав. Взаимоотношения между интеллигенцией и народом характеризуются как конфликтные. На основе первоисточников проанализированы взгляды представителей дворянской, разночинной интеллигенции на причины ее конфликта с народом. Чувство вины за свое иждивенческое существование отмечено как общий для интеллигенции фактор ментальной мотивации участия в судьбе народа. Оценки интеллигенцией различных качеств характера народа отличались многообразием и зависели от ее генезиса и социально-политического статуса. Наиболее дискуссионными оставались вопросы веры народа, характера его просвещения, отношения к крестьянской общине. Деятельное участие дворянской интеллигенции в судьбе народа заключалось в безвозмездной раздаче земли, облегчении повинностей, предоставлении различных льгот, что не смогло разрешить общесоциальную конфликтную ситуацию в силу локального характера этой деятельности. Творческая интеллигенция Серебряного века о народе имела диаметрально противоположные представления. Мнение о глубокой религиозности народа одних расходилось с убеждением других в трезвости рассудка, спасающего от суеверных заблуждений. Взгляды на роль общины в жизни крестьянства варьировались от полной идеализации до необходимости ее разрушения. Признавая в качестве причины всех бед народа его невежество, интеллигенция не имела общего представления о методах его просвещения. Отмечая сочетание в народе противоречивых качеств, интеллигенция объясняла наличие негативных свойств характера условиями жизни народа, нищетой и невежеством. Долготерпение и покорность, свойственные народу, не исключали в глазах интеллигенции его подсознательного стремления к свободе, которое должно было реализоваться в реальной жизни. Дихотомия ментальности, взаимное непонимание и неприятие русского народа и интеллигенции усугубляли раскол общества и способствовали накоплению критической массы революционного взрыва.

Ключевые слова: дихотомия, Россия, интеллигенция, народ, просвещение, дворянство, разночинство, ментальность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), annzhul@mail.ru (А.С. Жулаева)